

Итоговый отчет по проекту РФФИ № 18-011-00763 А «Языковые режимы в современной России: эффекты языковой преференциальной политики в полиэтнических регионах»

Для достижения цели исследовательского проекта, направленной на выявление и объяснение региональных вариаций влияния языковых политик на состояние межэтнических отношений в полиэтнических регионах современной России, использовались две стратегии сбора и анализа эмпирических данных. Во-первых, сбор и анализ количественных данных, агрегированных в базу в соответствии с такими параметрами, как: 1) этническая структура населения региона; 2) субъектный состав языковой преференциальной политики, ее направленность; 3) арены публичного и межличностного взаимодействия в отношении которых реализуется языковое преференциальное регулирование (образование, органы власти и их деятельность, включая суд, масс-медиа, бизнес-среду); 4) ситуация в межэтнических отношениях (отсутствие/наличие лингвистически обусловленных конфликтов). Во-вторых, использование методов антропологического наблюдения и экспертных интервью, которые были проведены в регионах выборки и позволили: 1) получить информацию о практиках использования языка(ов) в сообществе; 2) выделить сферы, уровни, масштаб и направленность языковой преференциальной политики, ее конгруэнтность федеральному курсу; 3) специфицировать субъектный состав языковой политики и политики языка с точки зрения используемых ресурсов и стратегий. В соответствии с задачами и планом реализации исследовательского проекта были получены следующие научные результаты:

1. Создана база данных «Языковые меньшинства и языковая политика в регионах России». Единицей наблюдения в базе данных является «языковое меньшинство – регион». К языковым меньшинствам отнесены все, за исключением русских, этноязыковые группы, которые в соответствии с методологией Всероссийской переписи населения 2010 г. и Переписи населения 2014 г. в Республике Крым и г. Севастополе были отнесены к категории «наиболее многочисленных национальностей». Речь идет о тех группах, доля которых в численности населения региона составляет не менее 0,3% от указавших национальную принадлежность. Всего база включает 589 единиц наблюдения. Переменные сгруппированы в 9 секций: «демографические характеристики», «локализация языковых меньшинств в физическом пространстве региона», «статус языковых меньшинств», «законы о языке субъектов РФ», «государственные программы субъектов РФ в сфере политики в отношении языковых меньшинств», «этнические НКО, СМИ и участие языковых меньшинств в КСО (консультативно-совещательные органы)», «изучение языков меньшинств в средней общеобразовательной школе», «языки меньшинств в медиа-повестке», «судебная практика в сфере языковых прав меньшинств». Таким образом, база включает первичные эмпирические данные о содержании, направленности и субъектах языковой преференциальной политики в регионах России. Эти данные разнообразны и позволяют объяснить связанность направленности, содержания и масштаба языковой политики с практиками актуализации конфликтных ситуаций, связанные с вопросом о языке и регионах РФ. Данные, вошедшие в базу, позволяют обсуждать основные параметры языкового режима, который в соответствии с теоретической рамкой исследования определен как совокупность практик, складывающихся в условиях конкретной политики и контекста, оказывает [обратное] влияние на политику (policy). Языковой режим (его тип) является производным от нормативного регулирования практик использования языка(ов) в сообществе. И именно эти практики и составляют сущность языкового режима как социального порядка, который, в свою очередь, в условиях споров по поводу статуса языка(ов) становится частью политической борьбы. Последняя в федерациях смешанного типа, таких как Россия, являющихся сложноустроенными в политико-институциональном отношении, во-первых, разворачивается на разных уровнях власти, а, во-вторых, имеет региональные и даже локальные особенности.

2. Эмпирически проверена гипотеза о связанности практик преподавания и изучения родных языков этнических групп (народов России) и содержания языковой политики. Был разработан Индекс изучения языка меньшинства (ИЯМ), представляющий собой результат взвешивания доли учеников в школах региона, изучающих язык меньшинства, значимостью этого меньшинства в населении региона. Значение индекса варьируется от «0» до «4,068». В большинстве случаев в 72,66% случаев ИЯМ принимает нулевые значения, поскольку язык меньшинства вообще не изучается в средних школах региона. В 3% случаев значение индекса приближается к «1» (находится в интервале от «0,8» до «1,2»): это указывает на то, что доля школьников, изучающих язык меньшинства, примерно соответствует доле данного меньшинства в составе населения региона. В 16% случаев ИЯМ имеет значение больше «0», но меньше «0,8». Это означает, что язык меньшинства изучается в значительно меньшей степени, нежели доля данного меньшинства в составе населения. Кроме того, выявлены 12 необычных случаев (2%), когда значение ИЯМ превышает «1,2». К подобным случаям относится, например, финский язык в Карелии («4,068»), где, по-видимому, фактором, обуславливающим интерес к изучению языка, является близкая граница с Финляндией: жители региона (отнюдь не только финны) заинтересованы в его изучении. Такого рода случаи свидетельствуют о прагматических стимулах, определяющих/ закрепляющих запрос в сообществе на язык. Это объяснение позволяет обсуждать прагматические стимулы и символические факторы как языковой политики, так и публичных споров о языке. Эти и другие наблюдения обусловили содержание и конфигурацию экспертных интервью, которые последовательно проводились в рамках реализации исследовательского проекта и позволили уточнить данные, полученные в рамках работы с базой.

Сравнительный количественный анализ позволил выявить и объяснить конфигурацию факторов, которые оказывают влияние на масштабы преподавания языков разных этнических меньшинств в политэтнических регионах России. В базе были выделены данные, касающиеся четырех групп факторов: 1) демографические характеристики этнической группы в абсолютном и относительном выражениях; 2) характеристики региона, в т.ч. описываемые через индекс этнолингвистической фракционализации; 3) пространственные характеристики этнических групп и их соотношения друг с другом и 4) специфика языков, проявляющаяся в наличии/ отсутствии у них официального статуса и в уровне «пользования» языка членами группы. С помощью метода линейной регрессии были построены 9 моделей с разным набором переменных. Регрессионный анализ показал, что наибольшее воздействие на масштабы изучения языка меньшинства в средней школе имеет его официальный статус, а также демографические характеристики этнической группы, особенно – высокая доля группы в населении субъекта РФ и (в меньшей мере) ее абсолютная численность. Наряду с этим, существенное значение имеет локализация группы в физическом пространстве региона, особенно локализованность как таковая, а в случае локализованности – сегрегированный формат локализации, то есть обособленность ареала ее проживания от других этнических групп. Локализованность очевидным образом связана с еще одной демографической характеристикой, а именно с долей городского населения в составе этнического меньшинства. Высокая степень «урбанизации» явно не способствует локализованности и тем более сегрегированности, поскольку население в городах намного более гетерогенно, что негативно влияет не только на использование языков меньшинств в социальных коммуникациях, но и на масштабы их изучения в школе. Кроме того, языковая политика в области школьного образования реализуется в региональном контексте. Анализ демонстрирует, что позитивное влияние на изучения языка конкретного меньшинства оказывает «развитость» преподавания языков меньшинств в регионе в целом.

Выявлено, что в большинстве регионов РФ не создается институциональных условий для функционирования билингвизма. Нормативно право на язык обеспечивается повсеместно через систему образования, в которой, однако, по оценкам экспертов, в последние десятилетия сокращается количество «национальных школ», где обучение

ведется в т.ч. и на родном языке. Представляется, что за пределами школы и даже на момент выхода из нее (при сдаче выпускных ЕГЭ) родной язык оказывается не востребованным или востребованным относительно в публичном смысле. Язык оказывается по большей части инструментом коммуникации в частной сфере. Но есть региональные вариации. Экспертные интервью и антропологические наблюдения, проведенные в территориях Пермского края, Удмуртии, Башкортостана и Татарстана свидетельствуют о том, что в публичной сфере (в госуправлении, торговле, общепите, в сфере культуры) титульный язык имеет различный вес. Так, в Татарстане татарский язык (исключительно как титульный) широко представлен и используется. Между тем, «публичная сила» иных языков в Татарстане (например, удмуртского или марийского) несопоставима с ним именно по причине его статуса. Хотя, конечно, этноязыковая политика в республике широко поддерживает разнообразные языки. В Удмуртии использование языка, его публичное бытование вне школы или частных коммуникаций значительно ограничено. Это проявляется в т.ч. и визуальном присутствии языка. Так, например, это хорошо было видно в Малой Пурге (Удмуртия) и Агрызе (Татарстан) – рядом расположенных территориях. Если в удмуртском муниципалитете и названия улиц, и вывески учреждений бюджетной сферы и органов МСУ преимущественно на русском языке, то в Агрызе, удаленном от Казани районе, все указатели и названия, все вывески и даже ценники в отдельных магазинах – на двух языках – татарском и русском. Такое присутствие в публичном пространстве родного языка является следствием языковой политики, которая в разных регионах оказывается разной по масштабу даже в деле поддержки титульного языка.

Использование методов описательной статистики позволило лишь частично подтвердить теоретическое объяснение, предложенное Э. Лю (Liu 2015) на примере стран Юго-Восточной Азии: набор и масштаб мер по поддержке языка в сфере образования обусловлены структурными характеристиками сообществ. Для абсолютного большинства регионов современной России характерно практически 100% владение русским языком; в свою очередь доля владеющих родным языком среди меньшинств составляет около 50% в среднем по России. При этом, выявлены региональная и даже внутрорегиональная вариативность данного показателя. Наибольшее значение показатель владения родным языком характерен для чеченского языка в Чечне – 99,73%. Примечательно, что доля владеющих чеченским языком вне Чечни тоже высока. Например, около 44% живущих в республике Северная Осетия-Алания чеченцев (0,03% от населения региона) владеют родным языком. А в Астраханской области чеченским языком владеют 93,28% чеченцев. Доля чеченцев в населении региона составляет 0,07%. Вместе с тем, не подтвердилось предположение, что титульность языка обязательно обуславливает его лучшие позиции с точки зрения его витальности (доля владеющих языком в группе носителей). Например, в Башкортостане, лучшие показатели владения родным языком не у титульного башкирского, а у чувашского: только 67,77% башкир, согласно Переписи населения, владеют родным языком, в то время как 81,7% чувашей владеют чувашским. Соотнесение этих показателей с относительным размером группы и ее пространственной локализованностью позволяет объяснить лучшие позиции чувашского. Башкиры проживают во всех 57 муниципальных районах республики, в то время как чувашаи – только в 10, из которых только в одном составляют меньшинство (1/3) населения, что говорит о их большей локализованности. В Татарстане, и в Пермском крае башкиры по сравнению с представителями других этнических групп демонстрируют значительно меньший уровень владения родным языком – 46,45% и 18,97% соответственно. Разрыв с ближайшими группами 20 и более процентных пунктов обусловлен, вероятно, особенностью не только языковой идентификации башкирского населения, но и существенной разницей в этнолектах – языках, которые в качестве родных считают представители башкирских общин, на что косвенно указывают интервью как со специалистами по языковой политике в Башкортостане, так и лидерами башкирских НКО и этно-активистами в Пермском крае.

Определен спектр кросс-региональной вариативности практик включения языков этнических меньшинств в тексты тематических государственных программ в полиэтнических регионах РФ. Теоретический каркас, организованный понятиями языкового режима и языковой политики, позволил определить место и значимость документов стратегического планирования в совокупности политических практик, связанных с языковыми вопросами в регионах РФ. Разработка и исполнение таких программ и нормативно-правовых актов в полиэтнических региональных сообществах является одним из направлений языковой преференциальной политики. Тип языкового территориального режима наряду с другими факторами зависит от степени включённости языкового компонента в содержательную часть документов. Обнаружено, что само по себе включение / невключение того или иного языка этнического меньшинства в содержание тематической государственной программы на региональном уровне вовсе не означает эксклюзивность и позитивность языковой политики и связанного с ней языкового режима. Анализ эмпирических данных (экспертных интервью, содержание федерального и регионального законодательства о языках и образовании, государственных программ по поддержке языков, содержание учебных планов и примерных образовательных программ) свидетельствуют о том, что практика принятия политических и управленческих решений в области языковой политики, а также ее реализация обусловлены сложным наложением друг на друга общероссийских трендов на унификацию и региональных особенностей практик реализации решений центра. Федеральный центр очерчивает рамки и даже унифицирует, например, образовательную политику, в т.ч. и ту ее часть, которая связана с обеспечением права на родной язык. Подтверждено наблюдение В. Тишкова о том, что конкретные способы и варианты реализации политики осуществляются на нижестоящих уровнях – региональном и локальном (Тишков 2019). Именно агенты и бенефициары языковой политики на местах определяют ее содержание, создают и поддерживают среду и запрос на нее. Содержательный анализ отдельных государственных программ (или подпрограмм в других программах) субъектов РФ, направленных на сохранение, развитие, изучение языков региона свидетельствует о том, что языки упоминаются в текстах этого типа НПА в мероприятиях только в Бурятии, Калмыкии, Северной Осетии, Татарстане, Тыве, Удмуртии. Наиболее интересным оказывается Татарстан, где в мероприятиях НПА кроме титульного упоминаются чувашский, удмуртский, мордовский, марийский, украинский и башкирский языки. При этом только в Тыве участником реализации программы наряду с ОГВ являются этнические некоммерческие организации. Анализ программ второго типа (отдельные государственные программы (или подпрограммы в других программах) субъектов РФ в отношении сферы образования) показывает, что в Адыгее, Башкортостане, Дагестане, Калмыкии, Коми, Крыму, Северной Осетии, Татарстане, Хакасии, Чечне, Якутии реализуются мероприятия по поддержке преподавания языка. Из них в Башкортостане и республике Крым в мероприятиях упоминаются и языки нетитульной группы. Программ третьей группы (Отдельные государственные программы (или подпрограммы в других программах) субъектов РФ в сфере национальной политики более всего: Адыгея, Алтай, Башкортостан, Бурятия, Ингушетия, Карелия, Коми, Марий Эл, Мордовия, Северная Осетия, Татарстан, Тыва, Удмуртия, Чувашия. В Карелии и Башкортостане получают поддержку как титульный, так и иные миноритарные языки. В этой же группе чаще встречаются случаи, когда к реализации программ привлекаются этнические некоммерческие организации. Основными субъектами (держателями) госпрограмм выступают региональные Министерства по национальной политике, особенно если речь идет о первом типе НПА, однако в случаях, если реализуются отдельные программы в сфере образования, то это министерства образования/просвещения, а если в сфере национальной политики, то это агентства /министерства по развитию культуры, туризма. Однако, теоретическое ожидание, сформулированное до проведения анализа содержания госпрограмм, предполагало, что в разных регионах России существует обусловленная этнолингвистической структурой регионов вариативность моделей

включения языкового компонента в тексты тематических государственных программ. Это теоретическое ожидание не нашло подтверждения в полной мере. Все эмпирические случаи в границах обнаруженной вариативности укладываются в следующие теоретические модели: 1) «всеохватная модель», когда в текст государственной программы субъекта федерации включаются либо все этнические меньшинства, проживающие в регионе («наиболее многочисленные национальности»), либо родные языки каждого из таких меньшинств. Эмпирическим примером для «всеохватной модели» выступают, например, республики Татарстан и Башкортостан в контексте государственных программ, направленных на сохранение, развитие, изучение региональных языков. 2) «титულно-ориентированная модель», которая актуальна для случаев, при которых в текстах государственных программ субъекта федерации встречаются упоминания только титульной для региона этнической группы и / или только родного языка титульной для региона этнической группы. Эмпирическим примером для «титулно-ориентированной модели» служат, например, Коми, Татарстан и Тыва в разрезе государственных программ субъектов РФ в сфере национальной политики. 3) «приоритетно-выборочная модель», актуальная в тех случаях, когда в текстах государственных программ упоминаются не все основные для субъекта федерации этнические группы и родные для них миноритарные языки, а только некоторые. При этом выборочная приоритетность далеко не всегда оказывается обусловлена численностью этнических групп в составе населения регионов. Эмпирические примеры такой модели обнаруживаются главным образом среди неэтнических субъектов федерации – краёв, областей и городов федерального значения, хотя встречаются также и среди этнических региональных автономий – «национальных республик», автономной области и автономных округов. Наиболее распространённой является «приоритетно-выборочная модель», наименее распространённой – «всеохватная модель». Наконец, можно выделить четвёртую – «игнорирующую модель», в рамках которой в текстах действующих государственных программ язык не упоминается вообще. Таким образом, выявленная вариативность включения языкового компонента в тексты тематических государственных программ не соотносится с этнолингвистической структурой населения регионов сколько-нибудь устойчивым и непротиворечивым образом. С одной стороны, наличие у этнической группы титульного статуса усиливает вероятность включения её языка в тексты государственных программ, явным выражением чего и выступают случаи, укладывающиеся в «титулно-ориентированную модель». С другой стороны, корпус эмпирических примеров в границах «приоритетно-выборочной модели» позволяет обнаруживать такие случаи, в которых включение в текст государственной программы миноритарных языков продиктовано иными, чем специфика этнолингвистической структуры населения региона, обстоятельствами. Это наблюдение было подтверждено и данными экспертных интервью, бесед и антропологических наблюдений в республиках Татарстан, Башкортостан, Удмуртия и в Пермском крае.

3. Выявлены причины и объяснены эффекты политизации языка в полиэтнических регионах РФ. Данные, включенные в восьмую и девятую секции базы разделены на два периода (до и после 2017 г.). События лета 2017 г. рассматриваются как «критический момент», запустивший / актуализировавший политику языка и, как следствие, пересмотр содержания и масштаба языковой политики в регионах. В качестве аксиоматического было заложено представление о том, что фактор, запустивший спор о статусе языков в полиэтнических регионах РФ одинаков. При этом, ожидалось, что сценарии развития публичных споров и обсуждения языкового вопроса имеют региональную вариативность, что обусловлено не только структурными характеристиками регионального сообщества, но и региональной (субнациональной) традицией языкового регулирования и отношений с региональными элитами с федеральным центром, с одной стороны, а, с другой, сложившимися практиками восприятия возможностей и ресурсов реализации права на родной язык в сообществе – среди его рядовых членов. Анализ данных, агрегированных в базу из ИНТЕГРУМа за два периода (2016-2017 гг. и 2017-2018 гг.) показывает, что во всех

республиках вопросы о родном языке традиционно попадают в федеральную и региональную повестки. Для иных регионов упоминания, а, значит публичная медийная значимость этого вопроса, минимальны. В случаях с республиками Башкортостан, Коми, Марий Эл, Северная Осетия – Алания, Татарстан и Тыва наблюдается увеличение количества упоминаний языка титульной группы и конфликтов по поводу языка как в федеральной, так и в региональной повестках. Наиболее существенный скачок в количестве упоминаний языка титульной группы обнаружен в республиках Башкортостан и Татарстан, которые измеряется в тысячах упоминаний. Кроме того, большое количество упоминаний украинцев и украинского языка характерно для Республики Крым, что, вероятно, связано с «крымскими событиями» и в целом с конфликтными отношениями с Украиной. Использование метода QSA позволило выявить ведущие факторы, способствовавшие политизации языка в республиках после 2017 г.: доля владеющих родным языком и обязательность изучения титульного для республики языка. Была выявлена прямая зависимость между этими факторами и уровнем споров в публичной медийной сфере о языке. Обязательное изучение языка титульной группы в регионе оказывается важным не только для его носителей, но и для тех, кто этот язык не воспринимают как родной: обсуждение обязательности изучения титульного языка вызывает / актуализирует публичную дискуссию между его носителями и другими языковыми сообществами.

4. Экспертные интервью, анализ научной литературы и региональной прессы позволил, во-первых, выявить региональные вариации восприятия языка и эффектов языковой политики в сообществе; а, во-вторых, определить внутрорегиональный субъектный состав политики языка и языковой преференциальной политики в регионах РФ, а также выбираемые субъектами стратегии взаимодействия. Данные, агрегированные из ИНТЕГРУМ и ГАС «Правосудие» (8 и 9 секции базы) позволили сделать предварительное наблюдение о том, что наиболее конфликтными оказались вопросы, связанные с правом изучения родного языка / обучения на языке. С другой стороны, содержательный анализ госпрограмм (5 секция базы) указывает на то, что реализация этих вопросов в сфере образования оказываются ресурсоемкими, и их реализация требует системной работы. Эти два наблюдения позволяют рассматривать систему образования в качестве ключевой сферы приложения языковой политики. Основные (типовые) субъекты языковой политики включают внутренние «отраслевые» и внешние «общественно-политические» группы акторов. К первым относятся: федеральное и региональные министерства образования, в управления/ комитеты/ отделы образования на местном уровне, Рособрнадзор, госинспекция в сфере образования, региональные институты повышения квалификации работников образования, вузы, директорский корпус (с управленческими интересами), учителя как профессионалы (у которых тоже есть свои собственные профессиональные интересы, сопряженные с профессиональной реализацией, борьбу за ставки и занятость). Вторые включают Президента РФ, главу правительства, главу региона, федеральных, региональных и местных депутатов и политиков, НКО, СМИ, лидеров общественного мнения, бизнесменов и пр. Основными инструментами реализации образовательной политики являются: федеральный закон об образовании, ФГОСы, примерные образовательные программы, примерные (типовые) учебные планы, УМК, РПД, программы повышения квалификации, методические рекомендации и разработки и пр. Данные экспертных интервью позволили обнаружить и объяснить влияние «дополнительных» отраслевых факторов на реализацию языковой политики. Практика институционализации ЕГЭ в 2001-2008 гг., введение НСОТ в 2008 г., системы подушевого финансирования, а также реализации программ по оптимизации ОУ (укрупнение / объединение школ) составили набор контекстных факторов. При этом, эти факторы работают в совокупности и разновекторным образом. Так, введение и закрепление ЕГЭ в качестве единственной формы выпускного экзамена, который одновременно с этим выступает в качестве вступительного в вузы, рационализируется учащимися, родителями, учителями, методистами и руководителями школ по-разному. Родители и учащиеся, как правило,

прагматически отмечают, что, поскольку ЕГЭ нужно сдавать в обязательном порядке, то следует сосредотачиваться на подготовке к ЕГЭ, а изучение родного языка, скорее, мешает этой цели. Вместе с тем, сами ученики и их родители не определяют и, в общем-то, не включены в процесс обсуждения ни учебного плана, ни того быть или не быть в старшей школе такому учебному предмету как родной язык. Вопрос о конфигурации учебного плана находится в зоне ответственности и интересов учительского сообщества и руководителей образовательных учреждений. А их решения, в свою очередь, связаны также нередко, хотя и не всегда и не везде, с прагматическими задачами «выживания школы», сохранения контингента обучающихся, решения проблемы уровня оплаты труда учителей в условиях подушевого финансирования. И именно в том, как учителя, методисты и директора школ видят проблему преподавания родного языка, хорошо проявляется проблема языковой политики в региональном измерении: ее [политики] реализация оказывается сопряженной и даже зависимой от административных решений и политики в иных сферах – бюджетного обеспечения школ, выполнения майских президентских указов, касающихся уровня оплаты труда и т.п. Определены два измерения взаимодействия субъектов языковой политики. Во-первых, это отраслевое взаимодействие на вертикально со-расположенных аренах (федеральный центр, регион, муниципалитет, школа). Во-вторых, возможно не только вертикальное отраслевое взаимодействие, но «наискосок» и по горизонтали: школы, районы и регионы взаимодействуют с другими регионами и субъектами в них (на конференциях и семинарах, курсах повышения квалификации учителей, через институционализированные практики методической помощи и обеспечения, посредством издания и закупки учебников). Именно отраслевое взаимодействие связано с практиками бюджетной политики, и является административным и иерархическим, где вышестоящий уровень определяет коридор возможного для нижестоящего. Экспертные интервью позволяют сделать вывод о том, что важно не только то, как определен сверху коридор возможного, но и то, как эти возможности определяются и даже переопределяются / интерпретируются учителями, директорами школ, родителями, лидерами общественного мнения. Сравнительный анализ четырех случаев – Татарстана, Башкортостана, Удмуртии и Пермского края позволил объяснить эту вариативность восприятия и, как следствие, разности моделей реализации языковой политики в контексте споров о языке.

Получила эмпирическое подтверждение гипотеза о значимости агентских факторов для реализации языковой преференциальной политики в регионах РФ на локальном уровне. Выявлено, что агентские факторы в большей степени значимы не на стадии оспаривания статуса языка(ов) или этапе обсуждения содержания языковой политики, а также принятия решений, сколько на этапе реализации принятых решений, имплементации выбранных мер. Наиболее показательной в этом отношении оказывается сфера образования. Собранные эмпирические данные (интервью, анализ нормативно-правовых актов федерального и регионального уровней, примерных образовательных программ и учебных планов, принятых к реализации в образовательных учреждениях) свидетельствуют о том, что принятие решений в сфере языковой преференциальной политики в отношении этноязыковых меньшинств в современной России обусловлено пересечением общероссийских тенденций и региональных особенностей. При этом, федеральная политика, понимаемая как рациональный, политически и идеологически мотивированный курс, не является единственным фактором, который оказывает влияние на масштаб и комплексность поддержки миноритарных языков. Политический вес и возможности федерального центра значительно превосходят позиции и потенциал всех остальных игроков в сфере языковой политики. И хотя взаимодействие регионов с федеральным центром, как правило, разворачивается в таких институциональных условиях, которые не допускают равноправного и конкурентного взаимодействия заинтересованных сторон, региональные / местные власти, политики, лидеры общественного мнения далеко не всегда функционально являются исключительно техническими исполнителями политического курса центра. Представители профессионального сообщества, вовлеченные в реализацию

языковой политики (учителя, методисты, директора школ, сотрудники отделов образования в регионах и локалитетах) в процессе конкретных практик реализации языковой политики, создают поле для маневра и даже свободы действий. В свою очередь, местные политики, лидеры этнических НКО, журналисты и активисты, будучи внешними агентами принятия и реализации решений на местном и региональном уровнях, политизируют их лишь время от времени. Действия и представители профессионального сообщества, и внешних агентов языковой политики обусловлены фреймом понимания и восприятия ими своих интересов и возможностей. Иными словами, региональная вариативность языковой преференциальной политики в России в условиях, когда федеральный центр выступает преимущественно в качестве субъекта, определяющего общие рамки и формат ее реализации, обусловлена различными конфигурациями ее участников и агентов на региональном и местном уровнях, свойственным им восприятием возможных и наличествующих ресурсов, а также стимулов.

Случаи публичных споров о языке, равно как и вывод вопроса о преподавании языка из сферы образовательной политики в более широкую область позволяют говорить о внеотраслевом взаимодействии субъектов языковой политики и политики языка. Подобное взаимодействие рассматривается его участниками как способ решить проблему ограниченности «отраслевого процесса и взаимодействия», «уровневых интервенций». Для этого взаимодействия характерны апелляция к публике, практики этнической мобилизации и легитимации, а также вовлечение внешних субъектов в преимущественно рутинизированный процесс, выход вопросов о языке(ах) в публичную сферу, включающую как медийную, так и институциональную повестки. На основе регрессионного анализа эмпирических данных, агрегированных в базе, подтверждено теоретическое предположение о том, что взаимосвязь вопроса о миноритарном языке в публичной и институциональной повестках объясняется взаимным влиянием их друг на друга. Применение метода линейной регрессии позволило подтвердить гипотезу о том, что обе повестки формируются под сильным воздействием демографических факторов. Более высокая численность этнического меньшинства, а также более высокий размер его доли в составе населения позитивно влияет на присутствие «вопроса о языке» этого меньшинства как в публичной, так и в институциональной повестках. Публичная и институциональная повестки не идентичны: между ними наблюдается достаточно серьезное расхождение. Так, если в публичной повестке присутствуют языки подавляющего большинства меньшинств, в институциональной – менее половины. Основная причина расхождений связана с таким фактором как статус языка этнических меньшинств. Наличие у языка государственного статуса оказывает сильное влияние на его присутствие в институциональной повестке, органы власти уделяют этим языкам значительно больше внимания. Для публики, напротив, статус языка не имеет существенного значения. Второй источник расхождений между публичной и институциональной повестками связан с локализацией этнических меньшинств в пространстве региона. Если меньшинство проживает обособлено от других этнических групп, язык этого меньшинства используется в социальных коммуникациях намного более активно, чем в тех случаях, когда локализация разных этнических групп в пространстве совпадает. В условиях совпадающего формата локализации «спрос на язык» падает, возникает ощущение, что язык умирает. Это транслируется в публичную повестку как проблема сохранения языка, и анализ показывает, что именно «смешанное» проживание этнических групп увеличивает эффект высокой доли этнического меньшинства в составе населения на внимание общественности к «вопросу о языке» этого меньшинства. Речь, однако, идет именно о публичной повестке, но не об институциональной. На решения, принимаемые органами власти субъектов РФ в сфере языковой политики, сколько-нибудь значимое влияние локализации этнических групп не прослеживается.

5. Использование авторского подхода к пониманию языкового режима как набора институционализированных практик использования языка членами сообщества, позволило в ходе интерпретации полученных эмпирических данных связать специфичность и, как следствие, вариативность практик реализации и имплементации языковой политики в

регионах РФ (на примере сферы образования) с фреймированием ситуации участниками, субъектами, агентами и бенефициарами языковой политики. Здесь необходимо сделать несколько уточнений. Федеральный центр, будучи доминирующим субъектом принятия решений, задает рамки в логике унификации посредством реализации политики в сфере образования как таковой (введение /изменение ФГОС, ужесточение аккредитационных процедур, введение подушевого финансирования, введение и организация проведения ЕГЭ). Все это относится к административному управлению. Но не менее важными представляются случаи спорадического политического вмешательства федерального центра в дела регионов, которое в нашем исследовании понимается как «критический момент». Отталкиваясь от идеи Р. Брубейкера о понимании этничности как дискурсивного результата ситуативных действий, замысла и реализации разнообразных политических проектов, не обязательно имеющих отношение к сфере этноязыкового регулирования, и даже случайных событий, а также идеи Н. Мухарямова о взаимосвязанности «политики языка» и «языковой политики» (language policy и language politics), нам удалось конфигуративно учесть структурные факторы масштаба признания языка меньшинств, роль субъектного состава языковой политики, целей и ресурсов субъектов, а также характеристик складывающихся альянсов и коалиций по поводу языка, их связи с группами поддержки и спросом в сообществе на эту политику. Методологически важной в теоретической рамке исследования стала идея «критического момента» (Cardinal, Sonntag 2015) – события, запускающего спор о языке. Критический момент, обусловленный экономическим кризисом, политическими причинами, социальными изменениями, оказывает влияние на государственную традицию, лежащую в основе языковой политики. Результатом этого становится изменение моделей управления языковой политикой. Собранные эмпирические данные, их анализ и интерпретация свидетельствуют о том, что выступление Президента РФ на совещании Совета по межнациональным отношениям в июле 2017 г., за которым последовали предписания Рособнадзора и Прокуратуры, стало тем критическим моментом, который создал ситуацию оспаривания языкового режима как социального порядка и стимулировал перенастройку/адаптацию существующих практик под новые условия. При этом, как это уже отмечалось выше, была обнаружена региональная вариативность. Выбор четырех регионов (республик Татарстан, Удмуртия, Башкортостан и Пермского края) для проведения полевых исследований и дальнейшего малоказусного сравнения был обусловлен тем, что, во-первых, 3 республики выбраны по принципу максимального различия их этноязыковой структуры. В Татарстане титульная группа (татары) составляет большинство (53,15%), далее идут русские (39,71%): потенциально языковая политика должна быть максимально преференциальной для титульной группы, а в случае ее [политики] оспаривания, ее субъекты могут расширять масштаб применения и реализации преференциальных мер для сохранения / обеспечения позиций титульной группы. В Башкортостане доля титульной группы (башкиры) составляет только 29,49%, доля русских - 36,05%, а третья по размеру группа – татары (25,39%). Такая структура потенциально стимулирует большую конкуренцию этноязыковых сообществ, а, значит, в случае ограниченной преференциальности языковой политики может создавать условия для потенциального языкового конфликта, преодоление которого требует не только пересмотра содержания языковой политики, но и создания коалиций, в состав которых входят представители этноязыковых сегментов (в логике А. Лейпхарта). В Удмуртии же доля титульной группы (удмурты) составляет только 28%, в то время как большинство составляют русские (62,22%). Это означает, что, скорее всего, языковая преференциальная политика будет носить ограниченный характер, а случаи ее оспаривания являются непубличными и единичными. Наконец, в Пермском крае, как единственном «неэтническом» регионе выборки, но с полиэтничной структурой, нет формально титульной группы. Большинство составляют русские (87,11%), а к «наиболее многочисленным национальностям» относятся татары (4,5%), коми-пермяки (3,2%), башкиры (1,3%), удмурты 0,8%. При этом, в отдельных территориях на муниципальном

уровне их доля может достигать 70% и более. Кроме того, коми-пермяки являются титульной группой для Коми-Пермяцкого округа, составляя 59% населения, который в результате вхождения в 2005 г. в состав Пермского края потерял статус субъекта РФ.

На протяжении долгого времени сфера языковой политики в России была преимущественно «вотчиной» региональных властей, а вмешательство федерального центра носило спорадический характер, что также повлияло и на разнообразие в практиках и масштабах нормативного регулирования использования родных языков на региональном уровне. Символически жесткое вмешательство федерального центра стимулировало перенастройку языковой политики во всех четырех случаях, но формы и механизмы ее перенастройки, а также арены ее обсуждения и состав вовлеченных в этот процесс участников указывают на воспроизводство сложившихся моделей межэлитных отношений и паттернов использования вопроса о языке в политических спорах и взаимодействиях. Ситуация в Башкортостане была и остается конфликтогенной: участники политики языка, прежде всего, представители татароязычной и башкироязычной групп в республике воспринимают ситуацию как собственный проигрыш в логике «игры с нулевой суммой». При этом повестка о языке в случае Башкортостана носит преимущественно региональный характер, равно как и языковой конфликт: Кремль и его политика выступают в качестве контекста, который актуализирует этот конфликт. В случае Татарстана вопрос о языке инструментально попадает в повестку отношений республиканских властей с федеральным центром: от анонсированной и запущенной в реализацию модели трилингвального образования (проект М. Шаймиева) до заявлений действующего президента Минниханова 26 октября 2017 о том, что недопустимо «оказывать давление на директоров школ перед выборами президента России в 2018 году» и что прокурорам не следует в этой связи «затрагивать учебный процесс». В Башкортостане, в отличие от Татарстана, вопрос об изучении родных языков оказался в ведении муниципальных чиновников, более-менее свободных в выборе от региональных властей, политические ресурсы и возможности которых меньше тех, чем обладают татарстанские региональные элиты. Наши информанты в территориях Татарстана, занимающие руководящие позиции в муниципалитетах (и главы администраций, и руководители местных отделов образования) в беседе демонстрировали не только доскональное знание ситуации с изучением языков, но и желание контролировать ситуацию в каждой конкретной школе, в т.ч. и в практике организации и проведения родительских собраний. Это, как минимум, сужает поле для маневра учителей и школьных администраторов. Однако и такой практике есть объяснение, укладывающееся в логику функционирования системы политического патронажа и принципал-агентских отношений, при которой местные чиновники в обмен на ресурсы и патронаж как брокеры обеспечивают необходимые Казани политические результаты – от электоральных до контролируемой этнополитической мобилизации, а учителя и школьные администраторы выступают лояльной клиентелой по отношению к ним в обмен на финансирование, допуск к программам.

Случаи Пермского края и Удмуртии похожи между собой и отличны от двух других: ни титульный удмуртский в Удмуртии, ни коми-пермяцкий в Пермском крае не являются предметом споров, обсуждаемых в региональных и федеральных СМИ. При этом, в обоих случаях рост демонстрирует повестка о татарском языке и конфликтах вокруг него. Одно из возможных объяснений влияние kin-республики: речь идет об эффектах целенаправленной на протяжении более чем десяти лет политики по поддержке татарского языка не только в Татарстане, но и за его пределами. В обоих регионах, согласно нашим данным, постоянно воспроизводится фрейм «обреченности и несвободы выбора»: наши информанты и респонденты считают, что все важные вопросы «кто-то где-то решает», что «от нас ничего не зависит, мы реализуем, что скажут», что «вот в соседнем Татарстане учителя больше получают и учебники у них есть, и финансирование лучше».

6. Исследование позволило выявить и объяснить связь между восприятием языковой политики ее субъектами и бенефициарами и характером языкового режима. Все четыре

случая свидетельствуют о том, что на региональном уровне воспроизводится языковой режим объединения, в котором важнейшую роль играет русский как государственный язык и язык межнационального общения. Однако далеко не всегда (в т.ч. если иметь в виду и пространственную перспективу локалитетов) билингвальные языковые режимы имеют будущее. Родной язык символически проигрывает прагматическому интересу: сдавать ЕГЭ на русском, учиться в городе (например, Перми) на русском, работать тоже можно, зная только русский. Нередко свой родной язык носители воспринимают как язык периферии. Примеры иных стран, например, Уэльса в Великобритании, свидетельствуют о том, что в условиях структурной (отраслевой) разницы между центром и периферией (Коми-Пермяцкий округ вполне сравним в своем статусе периферии с Уэльсом по отношению к Англии) свой язык резиденты периферии склонны считать непрестижным. Конечно, в территориях, на местах – в многочисленных удмуртских, коми-пермяцких, чувашских, татарских, башкирских и марийских деревнях – есть радетели родного языка и культуры, а их представления о должном вполне сопоставимы по содержанию с тем, что желали и требовали валлийские активисты в период в 1960-90-х гг. Успех последних стал возможным в том числе благодаря структурным характеристикам партийной и электоральной политики – наличию этно-региональной партии вкупе с мажоритарной избирательной системой. В современной России, как известно, региональные партии не могут участвовать в выборах в федеральный и региональный парламенты, а, значит, не имеют политических перспектив. Федеративное устройство России и наличие образованных по этноязыковому признаку субъектов и административных образований (республик, автономных округов и округов в составе краев и областей) является политико-институциональным контекстом процессов и практик принятия решений в сфере языковой политики в отношении этноязыковых меньшинств, с одной стороны, а, с другой, потенциально обеспечивает комплектность языкового режима, его сложноустроенный характер. Сфера языковой политики является ареной пересечения общероссийских трендов и особенностей региональной политической жизни, традиций и системы межэлитных отношений и клиентелистских практик на местном уровне. Региональная вариативность языковой политики обусловлена различным восприятием субъектами, агентами и бенефициарами языковой политики широты коридора возможностей. Как между регионами, так и внутри их есть различия: широта коридора, так или иначе, зависит не только от позиций и усилий, интенций региональных элит, но и от того, как институциональные и ресурсные возможности обеспечить поддержку родного языка видятся на местах. Этот взгляд, как представляется, обуславливает характер языкового режима, желание и готовность носителей языка сохранять его, поддерживать и даже бороться за него.

7. На основе региональных и межстрановых сравнений практик реализации языковой политики и обуславливаемых ею практик использования языка(ов) в сообществе сформулированы следующие экспертные рекомендации по разработке решений, направленных на гармонизацию межэтнических отношений, поддержку этнокультурного разнообразия в сообществе и урегулирование конфликтов в современной России:

7.1. Активизировать языковую политику на региональном уровне с учетом разнообразных местных особенностей, в том числе, структурного свойства. Исследование показало наличие различных региональных практик, а это означает, что у региональных властей есть существенное поле для маневра в данной сфере. Но не все регионы пользуются предоставленными возможностями. На это указывает представленный выше результаты анализа нормативного обеспечения языковой политики в регионах России. Самоустранение из этой сферы региональных властей создает вакуум целей и действий, который в большинстве случаев ведет к стагнированию ситуации, что может сопровождаться накоплением конфликтного потенциала. Низкая активность региональных властей приводит также к воспроизводству практик, которые сформировались на основе уже не существующих структурных условий, т.е. не учитывают изменяющуюся ситуацию. При этом, важно разумно выбрать направленность усилий, а именно найти баланс между

символическим и прагматическим измерениями языковой политики. Ориентация на прагматику использования языка представителями той или иной этноязыковой группы позволяет включить в сферу внимания все сообщество, а не только его отдельных представителей в виде, прежде всего, НКО, а также работать с теми аспектами бытования языка, которые важны для самих его носителей. Речь, прежде всего, идет о прагматике использования языка в публичной сфере. При этом, существует много современных практик, позволяющих повысить уровень представленности языка, и не сводящихся к традиционным фестивалям и конкурсам, которые, напротив, могут стигматизировать язык, помещая его в своеобразную резервацию, что может провоцировать недовольство и создавать ресурс для политизации.

7.2. Обеспечить структурированность и взаимосвязь реализуемой политики в ее документарном и организационном обеспечении. Вышеприведённые результаты показывают недостаточную логически-структурную связь между региональными законами и государственными программами, тем или иным образом связанными с реализацией государственной политики. Ключевая причина этого – в отсутствии политики как целенаправленной деятельности. Региональные законы нередко реализуют сигнально-символическую функцию, государственные программы имеют преимущественно ведомственный характер и, соответственно, определяются ведомственными интересами по воспроизводству собственной деятельности, а также унаследованными от прежних периодов практиками, включая и объекты, и субъекты, и размеры, и формы поддержки. Вместе с тем, в современном публичном управлении (в том числе в российском государственном и муниципальном управлении) наработаны механизмы обеспечения взаимодействия и согласования подходов и усилий как между уровнями публичного управления, так и горизонтально – внутри одного уровня.

7.3. Предпринимать целенаправленные усилия по минимизации разрыва между вопросом о языке в публичной и институциональной повестках. Этот разрыв, явно зафиксированный в результатах исследования, может быть причиной снижения доверия к действиям властей и, соответственно, являться причиной низкой эффективности реализации региональной политики, даже если она имеет место. Система многоуровневой политики, существующая в Российской Федерации, место в ней регионов (полномочия, объем ресурсов, влияние) позволяет региональному уровню публичной власти занять ключевую позицию медиатора в сфере языковой политики в комплексной системе взаимодействий по ее поводу: между уровнями публичной власти и между «отраслевыми» и «внеотраслевыми» заинтересованными сторонами.

8. Результаты, полученные в ходе реализации проекта, представлены в форме докладов на 13 научных мероприятиях регионального, общероссийского и международного уровней, и в 12-х публикациях, в т.ч.: 5 опубликованы в журнале, рецензируемом ВАК РФ и входящем в Russian Science Citation Index (RSCI) на платформе Web of Science, 1 статья – в журнале, рецензируемом ВАК РФ, 2 статьи – в журналах, индексируемых РИНЦ, а также 4 – в сборниках материалов научных конференций.